

комъ случаѣ, какъ лица второстепенныя, очень достаточно, а главное — на основаніи самыхъ достоверныхъ, официальныхъ источниковъ. Въ этомъ, по нашему разумѣнію, главнѣйшее достоинство книги г. Чистовича. Трудъ его, въ отношеніи къ фактическому изложенію дѣла, огромный, и можно сказать, образцовый. За эту, конечно, сторону дѣла трудъ этотъ и оцѣненъ Академіею Наукъ, которая, какъ извѣстно, присудила автору за его сочиненіе половинную Демидовскую премію. Для Академіи Наукъ нужно то, что выполнилъ г. Чистовичъ; но литература и самая жизнь хотѣли бы другаго, хотѣли бы во вновь появившейся книгѣ встрѣтить открытіе и уясненіе смысла въ той жизни, о которой идетъ рѣчь въ книгѣ; а этого именно и не находится въ трудѣ г. Чистовича, тогда какъ это, по нашему мнѣнію, можно было бы совмѣстить и съ требованіемъ Академіи Наукъ. Правда, тогда автору пришлось бы потрудиться нѣсколько больше, чѣмъ теперь, тогда нужно было бы измѣнить самый планъ сочиненія, такъ какъ теперешній планъ, строго хронологическій, едва-ли бы тогда годился; но за то мы имѣли бы предъ собою живую картину той поры, въ которую герой г. Чистовича жилъ и дѣйствовалъ. Но если автору не удалось сдѣлать этого, за то за нимъ остается несомнѣнная заслуга разбора массы замѣчательныхъ архивныхъ дѣлъ, ясное изложеніе ихъ, вообще собраніе обширной массы матеріаловъ и хорошая ихъ оцѣнка. Если прибавить въ этому, что трудъ г. Чистовича изданъ очень обстоятельно, снабженъ любопытными приложениями и подробнымъ указателемъ, то нельзя не сказать, что во всякомъ случаѣ настоящій трудъ г. Чистовича — почтеннѣйшій вкладъ въ науку русской исторіи.

І. Образцовъ.

ВОЗРАЖЕНІЕ Г. НИКИТЕНКА. ¹⁾

Въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* на 1869 годъ помѣщена статья: „А. М. Галичъ“. Не всту-

печаетъ о немъ г. Чистовичъ, съ этимъ можно согласиться; но отказывать ему въ образованіи, пока онъ не «изжился», отвергать огуломъ всѣ проекты его, какъ будто бы бессмысленные, это можетъ только тотъ, кто безмѣрно благоговѣетъ предъ умомъ врага Аврамова, Θεοσεβανα.

¹⁾ Относился съ полнымъ уваженіемъ къ тому чувству, которое побудило автора предлагаемой замѣтки вѣяться за перо, редакція сочла своимъ долгомъ напечатать ее въ ближайшей книжкѣ журнала, не входя въ разсмотрѣніе доказательности самаго «Возраженія».

паясь за личность Рунича, выставленную въ этой статьѣ далеко не типично, но за то во многихъ отношеніяхъ невѣрно, бездоказательно и карикатурно, обращаю вниманіе на слѣдующія строки:

„Ему (то-есть, Руничу) нельзя было ивѣрить никакого серіознаго дѣла. Такъ, онъ взялъ на себя распоряженія по постройкѣ университета, помѣщавшагося въ полуразвалинѣ, противъ казармъ Семеновскаго полка, и принялъ изъ казны на свою отвѣтственность значительную сумму денегъ. Кончилось тѣмъ, что деньги пропали изъ-подъ рукъ его неизвѣстно какъ и неизвѣстно куда, а университетъ остался еще на долго въ тѣхъ же развалинахъ, съ единственнымъ памятникомъ экономическихъ распорядковъ строителя, десятками тремя боченковъ извести, которые долго загромаждали мѣсто, называвшееся для университетскаго сада, и тоже куда-то въ послѣдствіи исчезли“....

По этому предмету замѣчу прежде всего, что Руничъ *никогда не бралъ на себя распоряженія* по постройкѣ университета, равно какъ и не бралъ на свою отвѣтственность значительной суммы денегъ, а по волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра I, Руничу *поручена* была постройка, отпущена дѣйствительно значительная сумма, и въ Высочайшемъ указѣ сказано даже, что Руничу *дозволяется производить постройки хозяйственнымъ образомъ, безъ визова къ торговцамъ, и впродъ до окончанія никому отчета не отдавать*. Кто знаетъ строительный уставъ, тотъ пойметъ всю силу и довѣріе подобнаго указа ¹⁾.— Руничъ, дѣйствуя по своему, можетъ-быть и ошибочно, нашель, что въ Петербургѣ известка дорога, а потому купилъ въ Финляндіи каменоломни, построилъ барки, добывалъ известку и доставлялъ ее въ Петербургъ. По окончаніи постройки ожидалась, по расчетамъ, большая выгода, но— вышло не такъ! Александръ I скончался, воцарился Николай I. Руничъ, вслѣдствіе такъ-называемаго профессорскаго дѣла нажившій себѣ много враговъ изъ числа сильныхъ міра сего, былъ немедленно удаленъ отъ должности и преданъ суду. Постройка остановилась, и было приступлено къ оцѣнкѣ возведенныхъ зданій. Само собою разумѣется, что оказался дефицитъ. Не смотря на неоднократные Высочайшіе указы о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, оно тянулось лѣтъ 20 въ правительствующемъ сенатѣ и кончилось не въ пользу Рунича.... Но гораздо прежде назначенія его попечителемъ С.-Петербургскаго округа, Руничъ былъ исправляющимъ должности Московскаго почтъ-директора, и въ 1812 году, въ самый день втор-

¹⁾ Довѣріе это подтвердилось пожалованіемъ Руничу, помимо виенской ленты, прино Владимира 2-й ст. и въ рескриптѣ сказано: *признавая все дѣйствія вами посланными и пожалованными, и пр.*

жесія непріятели въ Москву, за нѣсколько лишь часовъ выѣхалъ въ противоположную заставу, со всѣми дѣлами и казенными суммами, которыхъ было, бездѣлица! — *нѣсколько милліоновъ!*

Что же касается до замѣтки о боченкахъ извести, будто бы загромождавшихъ долгое время мѣстность, назначавшуюся для университетскаго сада, то какова должна была быть мѣстность, если ее загромождали десятка три боченковъ. Исчезновеніе же известки тоже не можетъ падать на Рунича, потому что, какъ я уже говорилъ выше, онъ былъ удаленъ отъ должности тотчасъ же послѣ кончины Императора Александра I.

Далѣе г. Никитенко говоритъ: „мелкій и ничтожный умъ его“ (то-есть, Рунича), и проч. Противъ этого могу замѣтить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ *Современникѣ*, въ статьѣ „Сумашедшій Домъ Воейкова“, упоминалось и о Руничѣ, и, если не ошибаюсь, было сказано, что онъ былъ *человѣкъ необыкновеннаго ума и рѣдкаго образованія*; кому же вѣрить?

Въ настоящую минуту я не имѣю подъ руками бумагъ покойнаго отца моего, которыми бы могъ *формально* доказать то, что теперь пишу, и опровергнуть многое, касающееся Рунича въ статьѣ: „А. М. Галичъ“. Впрочемъ и самъ г. Никитенко, какъ видно, во многихъ случаяхъ основывается на голословныхъ показаніяхъ и даже, какъ самъ выражается, на *преданіи*, разказывая, на примѣръ, анекдотъ *объ овцѣ*.

Отцу моему, скончавшемуся еще въ 1860 году, конечно, все равно, какъ о немъ думаютъ г. Никитенко и другіе; но, по моему, если еще не настала пора высказать всю правду о лицѣ, подобномъ князю А. Н. Голицыну, главному двигателю профессорской исторіи, то отнюдь не слѣдовало бы всю тяжесть обвиненія взваливать на Рунича и глумиться надъ нимъ, въ томъ предположеніи, что за него вступиться некому.

Петръ Руничъ.